

Белльская Голодежь

4

АПРЕЛЬ 1995

ЗОЛОТОЙ ГОЛОС РОССИИ

Эдуард ЦЕРКОВЕР

Впервые я увидел его на обложке журнала "Англия" в 1989 году. На снимке он держал гигантскую хрустальную вазу; подпись к фотографии гласила: "Молодой сибиряк пришел, увидел, победил. Дмитрий Хворостовский - лучший певец мира!" Он выиграл престижнейший всемирный конкурс, проводившийся в Кардиффе, в Сен-Дэвид-холле. Туда съехалось около двухсот претендентов из стран Европы и Америки.

Конкурс проходил в два тура. В обоих полагалось исполнить примерно по шесть произведений, чтобы выступление претендента длилось не менее 25 минут. Первый тур занял пять дней, так много было участников. Определялся победитель каждого дня. Во втором туре предстояло состязаться лишь пяти финалистам... Дмитрий пел Чайковского - арию Елецкого из "Пиковой дамы" (которую исполнял у себя в театре) и арию Мазепы, затем Верди - арию Макбета, арию Родриго из "Дона Карлоса", романсы Чайковского, Рахманинова, романс Вольфа "Замкнутость". На этом конкурсе не оговаривалось, кто какое место занял: победитель был один, остальные финалисты получили денежные премии. И премии не подразделялись на вторую, третью и так далее, просто объявлялось: "Такому-то столько-то тысяч фунтов стерлингов!". И даже не выдали никаких дипломов.

Дима иронизирует:

- На Всероссийском смотре я получил огромный диплом в тяжелой красной папке. На конкурсе имени Глинки - красиво оформленный мелованный лист бумаги. В Тулузе и Нише, где я тоже стал первым, - маленькие листочки с золотым тиснением. А в Кардиффе вручили увесистую хрустальную вазу и тут же отобрали: "Что вы, что вы, не утруждайтесь, мы вам ее отправим по домашнему адресу!" Тогда я интуитивно ее поцеловал: простился. И правильно сделал. Несколько позже поинтересовался: англичане ответили, что сразу же отправили вазу в Красноярск. Так она и едет туда с июня восемьдесят девятого... Может, это и называется "малой скоростью"?

Трудная дорога у лучшего певца мира. Провинциал, без протекций, со множеством завистников, в Красноярске не жаловали. После победы в Кардиффе вскоре присвоили звание заслуженного артиста РСФСР. Затем присудили Государственную премию. Но это - после, когда весь музыкальный мир восторженно заговорил о Хворостовском.

Дима человек благородный, он не устает повторять, что всем обязан отцу. Александр Степанович - инженер-химик, всю жизнь мечтал петь на сцене, и основания к тому были. Не сложилось. Зато теперь, когда у Димы спектакли, концерты распланы по дням на несколько лет вперед, и отца стали при-

глашать: недавно Александр Степанович гастролировал в Италии! Поздно, но сбылась мечта.

Дима с первой нашей встречи произвел впечатление искреннего, доброго, думающего человека. Иногда в его речи прорывается нервозность.

- Знаете, перед концертом в Амстердаме я впервые участвовал в репетиции, на которую пустили публику. Опыта у меня не было, подумал - репетиция, стоит ли наряжаться, вышел в ковбойке, джинсах и кроссовках. А в тамошнем "Концертгебау" роскошная сцена, и публика явилась на репетицию в смокингах, дамы в вечерних туалетах и бриллиантах. Неловко я себя чувствовал, но петь-то все равно надо. И вот один ваш коллега-журналист, которому я поведал об этом конфузе, вложил мне в уста (на газетной странице) фразу: "Посмотрел я на этих, в бриллиантах, и как заломал им "Ноченьку"! Слово "заломал" мне совершенно не свойственно, что я, медведь, что ли? До сих пор противно... Пишите правду".

Я намного старше Димы, но когда мы разговаривали, у меня было ощущение, что собеседник - мой ровесник. Мудрый тридцатилетний Творец Искусства.

У него лирический баритон. А в детстве голос был средний. Не дискант, не альт, а именно средний. В детском хоре Дима пел вторым сопрано. Стал чуть старше - перешел в альты. До-

маться голос начал рано, в одиннадцать лет ("акселерат!") - смеется Дмитрий), и, по настоянию отца он с двенадцати до четырнадцати лет совсем не пел.

- Многие голоса в детстве изнашиваются, если вовремя не прервать их эксплуатацию, - объяснял мне Дмитрий. - Конечно благодарен папе, он настоящий знаток вокального дела.

Дмитрий начал учиться играть на пианино дома. По совету отца поступил в музыкальную школу, изучал сольфеджио, гармоню. Сначала нравилось, затем стало скучно. Попросил однажды учительницу изменить расписание занятий; та удивилась - с какой стати, а он ответил, что играет в футбол и тут как раз ответственный матч. После чего среди музыкальных педагогов Дима прослыл футболистом, и относиться к нему стали соответственно.

- Заметив, с каким энтузиазмом я пинаю мяч в стенку, - смеется Дима, - моя мама, врач, порой с тревогой заглядывала мне в глаза, явно сомневаясь в умственных способностях...

К тому же он увлекся рок-музыкой. Освоил кое-что из репертуара "Битлз", "Слейд", "Сунт". Собрал рок-ансамбль, игравший на танцах, иногда на свадьбах, - чаще всего бесплатно.

- У меня такой ветер был в голове, такой мусор... Ни малейшего представления, чем я хочу заниматься. То ли в медицинский идти, то ли в технологический. Опять спасибо отцу: послал в педагогическое училище с музыкальным отделением. Дмитрий проходил практику в школах, детских садах, пионерских лагерях: играл на клавишных и пел для ребятни. И уже тогда все чаще слышал от окружающих, что ему ничего не стоит спеть всерьез оперную партию. Что ж, диапазон у Димы был - три октавы... А в училище тогда царил дух хорового дирижирования, учащиеся без конца пели в хоре; Диму назначили в хор тенором. Но как только он начинал петь в теноровой тесситуре, это превращалось в "соло Хворостовского с хором",

потому что в верхнем регистре он просто не мог петь тихо.

Очень бережно обращалась с голосом Дмитрия педагог по вокалу Галина Алексеевна Астанина. Боялась за его голос и не разрешала экспериментировать. Тогда как парню страшно хотелось скорее выяснить свои возможности. Дома у Хворостовских была обширная фонотека, и Дима тайком от Астаниной разучил много арий и романсов, сам себе аккомпанируя.

Отец (опять отец!) посоветовал пойти к Борису Ефимовичу Шиндареву, преподававшему вокал в городском Дворце культуры. К этому 86-летнему педагогу-эмпирику приходили рабочие и служащие, которые пытались петь, и он неизменно быстро, совершенно зверскими методами, "вытаскивал" их голоса. Был у него бзик: все мужские голоса он считал тенорами. Басы ли к нему приходили, баритоны ли - он из всех делал теноров. Буквально за одно-два занятия Дима Хворостовский взял у него верхнее "си"!

- Дома я тоже садился то и дело за пианино и пел, - вспоминает Дмитрий. - Мама говорила: "петушок раскукарекался". В конце концов я так раскукарекался, что отец сказал: займись серьезно, из тебя может выйти настоящий оперный певец. И я занялся.

- А говорите: ветер в голове...

- Понимаете, когда ощутишь свой собственный голос, не петь уже не можешь. Обзавелся итальянской фонотекой, стал изучать искусство итальянских мастеров (по пластинкам, магнитофонным записям), итальянскую манеру пения, музыку, наконец, итальянский язык... По части фонетики и произношения преуспел. Много пою на итальянском. Будучи на Апеннинах, не раз слышал, что моя манера соответствует оригиналу. У нас в вузе, в Красноярском институте искусств, был блестящий преподаватель итальянского - Михаил Савельевич Михельсон. Перед войной он, инженер, учился и практиковался в Италии, а когда приехал домой в Прибалтику, его арестовали и

сослали в Сибирь на десять лет... Потрясающий подиглот и эрудит! На спор выучил за неделю основы китайского языка!

Я ходил в оперу, читал массу литературы по вокалу, методические издания. Педагогом по вокалу в вузе у меня была Екатерина Константиновна Иоффель. Она досконально разобралась в моем голосе и делала с ним чудеса. Мы с ней долго "притирались", у нас одинаково колючие характеры. Она обладала каким-то гипнотическим воздействием: один ее взгляд мог заставить меня прервать пение. С другой стороны, случалось, явлюсь на занятие разбитый, чем-то раздосадованный, - несколько ее слов, и я начинаю петь, свободно и красиво. Ни одно упражнение Екатерина Константиновна не позволяла выполнить без эмоций. Допустим, я просто пробоваю гаммы: "ля-а-а-а". Она вдруг взрывается: "Как ты поешь? У тебя при этом глупое лицо! С таким лицом нельзя петь ноты! Каждая нота должна быть осмыслена!" С тех пор я стараюсь входить в образ. Даже если в роли у меня было всего два-три слова, я искал их подтекст. Скажем, Маурильо в "Риголетто" - кто он такой по сути своей, о чем думает, почему поступает не как все в свите герцога?

Он сказал, что характер у него колючий. Мне так не показалось. Дмитрий добр и открыт, просто он не любит грубого нажима, давления. Неподатлив. Может вспылить. А на доброе отношение отвечает вдвойне добрым.

- Когда-то я шел на занятия к Екатерине Константиновне, как на каторгу. Но вот летят годы, а мы с ней по-прежнему друзья. Она болеет за меня, ждет моих приездов в Красноярск. А я страшно обрадовался, узнав, что не так давно ей присвоили звание заслуженного деятеля искусств России.

С третьего курса института Хворостовский начал работать в театре оперы и балета. Он перепел все второстепенные партии. В театре понимали, что у Дмитрия редкий голос, но сдержива-

ли: "Должна же быть какая-то субординация! Ты еще молод, а у нас не хватает моржей" (моржами зовут исполнителей партий второго плана). Дима пел, например, Шарона в "Тоске": за один день пришлось выучить музыкальную партию, но на сцене он вынужден был заглядывать в шаргалку, не очень хорошо помня текст. Надо сказать, что зрение у Дмитрия с детства не ахти какое, так что пропеть точный текст он не смог, "нес алинко". Но никто

вроде бы не заметил. На спектакле присутствовали димины школьные друзья. "Ну как?" - спросил он их после представления. Друзья ответили: "Здорово! Тебя было слышно!"

Его лирический баритон - голос более легкий, чем, к примеру, баритон драматический. Его первые заметные партии - Елецкий, Сильвио в "Паясах", Жермон в "Травиате", Фигаро, Роберт в "Иоланте".

После триумфа в Кардиффе, в Ницце, где Хворостовский пре-

красно выступил в "Пиковой даме", открылся широкий путь: "Милан - "Ла Скала", Лондон - "Ковент-Гарден", Токио, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж... Контракт с фирмой "Филипс" на пять лет: записывать диски в партнерстве с такими звездами, как Хосе Каррерас, Джессика Норман. Билеты на его концерты за рубежом стоят дорого: в лондонском "Ковент-Гардене" - от 200 до 800 фунтов стерлингов, на сольных концертах в США - 100-150 долларов.

- Со стороны моя жизнь выглядит лучезарной, - говорит Дмитрий Александрович. - Но в большинстве стран я почти ничего не вижу, кроме концертных залов и стен в номерах гостиниц. Нужно беречь голос, заниматься, готовиться к выступлениям. Есть города, особенно северные приморские, где климат убийственно действует на мои голосовые связки, петь там невыносимо. Одному в таких гастролях очень тяжело. Вместе со Светланой - женой - несравненно легче. А когда с нами стала ездить маленькая дочка Маша, стало совсем весело.

Он пригласил меня на свой концерт. Впервые увидел я волею вхола в Концертный зал имени Чайковского конную милицию, наводившую порядок среди тех, кто пытался попасть в зал. Лауреат всесоюзного и международных конкурсов, Государственной премии, заслуженный артист Хворостовский должен был в четверг петь Елецкого в Париже. Ему было предложено явиться в воскресенье на репетицию в Гран-опера. "Не могу, - ответил Дмитрий, - в понедельник у меня абонементный концерт в московском зале Чайковского, и я не хочу его отменить"...

...Известный оперный режиссер Джон Кокс выбрал для постановки в Монте-Карло "Евгения Онегина". Заглавную роль предложил Хворостовскому, другие партии тоже исполнили певцы из России, в основном молодежь. Дмитрий

сократил число своих концертных выступлений: бережет голос. И оперные партии выбирает придирчиво. Любит петь Фигаро, мечтает когда-нибудь спеть Риголетто, исподволь готовит другие партии Верди: Ренато в "Бале-маскараде" и Ди Луна в "Трубадуре". Грамотный репертуар он считает залогом долголетия солиста. Его пригласил работать в питерской прославленной Мариинке режиссер Валерий Гергиев, но Дмитрий отказался. С Гергиевым у него прекрасные отношения, им доводилось вместе работать, но "я слишком рано познал роскошь жизни свободного художника и не хочу с ней расставаться". Поэтому же он несколько раз отказывался от приглашений в Большой театр, правда, по контрактам.

В венской Штатаксопер он спел недавно "Пуритан" Беллини. Ему уже доводилось петь в "Пуританах" в Лондоне, в Париже, но венскую постановку он счел более интересной. Правда, во время венского спектакля произошел маленький конфликт. Дмитрию было тяжело общаться с премьершей Штатаксопер мадам Груберовой. Голос у нее отличный, но она всегда играет одно и то же, без нюансов и вариантов. Играя центральную роль Риккардо, Дмитрий не выдержал однообразия Груберовой и, когда по ходу действия требовалось швырнуть нож на стол, бросил его с таким грохотом, что испортил мадам финальное рондо. Удивила Дмитрия некоторая "японизированность" венской постановки. Джон Дью яркий режиссер, но здесь переборщил: зачем-то ввел в спектакль бой на японских мечах, для чего даже приглашался специальный тренер. "Комично!" - резюмировал Дмитрий.

В парижском театре Шатле, играя Онегина, Хворостовский по замыслу постановщика Адольфа Дрезена должен был на балу у Ларинных появиться сильно подвыпившим с бутылкой водки в руке. Артист решительно протестовал. Эту мизансцену отменили.

Вообще у каждого западного режиссера непременно возникают "сверхоригинальные" идеи при постановках классических русских опер. А Дмитрий в этих вопросах логично консервативен, отстаивает чистоту оригинала. И еще ему важно, чтобы постановщик не заставлял актеров бездумно передвигаться по сцене. "Я из играющих певцов", - говорит он. В Зальцбурге постановщик Николаус Арнонкур пригласил Дмитрия на роль графа Альмавивы в "Свадьбе Фигаро" с очень хорошими партнерами - Брином Терфелем, Сильвией Макнэр, - вот это было подлинное творческое наслаждение.

"Паяцы" он пел в барселонском театре "Лиссо" и в миланском "Ла Скала" (с дирижером Риккардо Мути!). Жермона в "Травиате" - в Чикагской опере. "Пиковую даму" - в Бостоне...

- Очень важным стало для меня открытие музыки Георгия Свиридова: цикл "Отчалившая Русь" он впервые исполнил в Лос-Анджелесе, затем в нескольких городах Германии, в Лондоне. Люди принимают это произведение со слезами на глазах. Осенью 1994 года приехал с "Отчалившей Русью" в Москву и Санкт-Петербург - успех был полным. "Наверное, исполнение свиридовского цикла - самое главное, что я сделал".

Можно приплюсовать сюда и концерт духовной музыки, который он дал в Москве в содружестве с Петербургским камерным хором; хор этот Дмитрий назвал "натурально воспитанными актерами", их руководителя Николая Корнева - феноменальным хормейстером.

Ему вообще везло на встречи с талантами. Риккардо Мути, Клаудио Аббато, Зубин Мета, Сейджи Озава, Валерий Гергиев, Семен Бычков, Евгений Колобов...

- Красноярск не забываете? Как родители?

- Живы-здоровы. Конечно, не вижу их порой по полгода. Зато

у отца началась карьера камерного певца. Выступает в родном городе, съездил на фестиваль камерных оркестров в Италию, пел там романсы русских и старых итальянских композиторов. Баритон - то у меня наследственный, у Александра Степановича первородный баритон! А вот в моем родном Красноярском институте искусств дела плохи: здание разрушается, занимаются студенты и преподаватели порой в шубах и шапках.

- Я гляжу, седина в ваших волосах. Такой молодой и уже такой седой...

- А ничего даром не проходит...

- Но отдыхаете же вы когда-нибудь!

- Конечно. Минувшим летом побывали с женой и дочкой в Греции. Просто так, без всяких концертов. Много читаю. Люблю Льва Толстого, постепенно одолеваю Солженицына. Спорт не бросаю, хожу в бассейн, занимаюсь гимнастикой. С футболом, жаль покончил: проблемы с коленом.

- В фойе Большого зала Московской консерватории во время вашего недавнего сольного благотворительного концерта можно было приобрести восемь компакт-дисков с вашими записями. Вы довольны ими?

- По правде говоря, редко бываю доволен. Когда делается студийную запись, все приводится к общему знаменателю, теряются и плюсы, и минусы. Получается средненько, такая красиво упакованная конфетка. Люблю "живые" записи, прямо во время концерта или спектакля. А с удовольствием слушаю разве что свою запись с Гергиевым "Песен и плясок смерти" Мусоргского и арий из русских опер.

- Вас что-нибудь огорчает?

- Я много теряю, будучи баритоном. Баритон на сцене, как правило, второй, даже третий. Первый - тенор. Мне 31 год, казалось бы, столько еще впереди, но - не для баритона. Впрочем, существует еще концертная деятельность, она позволяет искать, находить и развиваться.